V
54
5
ПРОВ. 1934



**Исторія русской словесности.** Составилъ *И. Порфирьевъ*. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Казань. 1881.

Первая часть „Исторіи русской словесности“ явилась впервые въ свѣтъ болѣе десяти лѣтъ назадъ и успѣла выдержать уже нѣсколько изданій. Она несвободна отъ недостатковъ, но не смотря на то, до сихъ поръ остается у насъ лучшимъ учебнымъ пособіемъ по исторіи древней русской литературы. И это весьма естественно: г. Порфирьевъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ тружениковъ по обработкѣ нашей древней словесности, какъ авторъ многихъ статей по этому предмету, изъ года въ годъ появлявшихся на страницахъ Казанскаго Православнаго Собесѣдника, и издатель массы литературныхъ памятниковъ древней Руси, увидѣвшихъ свѣтъ въ томъ же журналѣ. Но до сихъ поръ онъ чуждался исторіи новой русской литературы, и книга, названная во главѣ нашей статьи, — первый его опытъ въ этой области. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на достоинство его труда.

Авторъ начинаетъ изложеніе исторіи новой русской литературы опредѣленіемъ характера Петровской реформы и новаго образованія. „Новое образованіе“, говоритъ онъ,—„вызванное государственными потребностями, должно было служить вообще государственнымъ цѣлямъ“. Этимъ оно отличалось отъ образованія до-петровской эпохи, которое „имѣло характеръ религіозно-церковный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ“ (стр. 5), хотя, тѣмъ не менѣе, было съ нимъ въ связи: „Все, что до Петра Великаго было сдѣлано для образованія, не только не осталось напраснымъ, но и принесло большую пользу во время реформы. Прежніе труды и попытки приготовили почву для новаго образованія и дали на первый разъ нужныхъ работниковъ. Юго-западная наука искоренила (?) существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія и воспитала много такихъ людей, которые были дѣятельными помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками всѣхъ (?) преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долго брали воспитанниковъ для отправленія за границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія для службы, въ гимназію и университетъ при Академіи Наукъ“ (стр. 4). Все это справедливо, хотя и



1684
34

далеко не вполнѣ: и въ древнемъ періодѣ образованіе не всегда служило исключительно религіозно-церковнымъ цѣлямъ, и въ новомъ оно служило государственнымъ цѣлямъ только при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, но дѣло не въ этомъ. Г. Порфирьевъ удовлетворяется тѣмъ, что̀ сказалъ объ образованіи, и не находитъ уже нужнымъ касаться вопроса о связи новой русской литературы съ древнею, хотя этотъ вопросъ въ высшей степени важенъ, и его рѣшеніе тѣсно связано съ пониманіемъ литературы не только переходнаго Петровскаго времени, но и послѣдующей эпохи.

Уже въ третьей четверти XVII столѣтія русская публика зачитывалась переведенными съ польскаго „Римскими Дѣяніями“, средневѣковыми рыцарскими романами, фацеціями и т. п. и смотрѣла на театральныя представленія пастора Грегори, поставившаго на русскую сцену пьесы нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ; еще раньше явился на русской почвѣ псевдо-классицизмъ — псевдо-классицизмъ польско-іезуитскихъ школъ, отличный отъ псевдо-классицизма французскаго, но тѣмъ не менѣе имѣющій съ нимъ очень много общаго. Западно-европейскіе романы и ихъ русскія передѣлки и подражанія, явившіяся у насъ во множествѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, не были для русской публики чѣмъ-нибудь новымъ; она была къ нимъ уже подготовлена, и подготовлена хорошо: вѣдь не только такіе романы, какъ „Жизнь Сифа, царя Египетскаго“, переведенная Фонъ-Визинымъ, но и такіе, какъ „Приключенія маркиза Г.“, переведенныя Елагинымъ и Лукинымъ, сравнительно немногимъ отличаются отъ „Петра-Златые-Ключи“ и т. п. Трагедіи Сумарокова недалеко отстоятъ отъ школьныхъ драмъ кіевскихъ ученыхъ, съ одной стороны, и отъ пьесъ репертуара Грегори — съ другой, а его комедіи близки къ тѣмъ комическимъ сценамъ, которыя подъ названіемъ интерлюдій входили въ составъ школьной драмы. Наконецъ, стихотворенія Тредіаковскаго и Ломоносова имѣли предшественниковъ въ до-петровской литературѣ въ стихотворныхъ произведеніяхъ Симеона Полоцкаго и другихъ. Такимъ образомъ связь древней литературы (въ послѣднюю эпоху ея существованія) съ новою литературой очевидна. Она объясняетъ, почему новой литературѣ не пришлось бороться съ своею предшественницей, почему она почти совсѣмъ не встрѣтила протестовъ со стороны читающей публики.

Первый писатель, на которомъ останавливается авторъ,—Стефанъ Яворскій. Сперва излагается его краткая біографія, потомъ приводятся заглавія его сочиненій, и выписываются наиболѣе характеристическія

мѣста изъ его проповѣдей, съ кое-какими поясненіями. Подобнымъ же образомъ г. Порфирьевъ поступаетъ и относительно другихъ писателей. О „Камнѣ Вѣры" Стефана Яворскаго говорится всего на одной страницѣ, да и то болѣе о причинахъ, вызвавшихъ это сочиненіе, чѣмъ о немъ самомъ. Стефанъ Яворскій, говоритъ г. Порфирьевъ, — написалъ „Камень Вѣры" „для предохраненія православныхъ христіанъ вообще отъ протестантскаго ученія, которое заносили въ Россію иностранцы... Такое сочиненіе было весьма важно и необходимо въ то время, когда на разныхъ мѣстахъ государственной службы было много протестантовъ, и въ русскомъ обществѣ начали распространяться протестантскія воззрѣнія, нравы и обычаи" (?) (стр. 34). Этими словами „Камень Вѣры", конечно, слишкомъ недостаточно характеризованъ. Въ немъ есть сторона, на которую необходимо обратить особенное вниманіе, и которая уже указана изслѣдователями (между прочимъ Юр. Самаринымъ); это — католическій духъ, которымъ вѣетъ отъ этого произведенія. Г. Порфирьевъ старается оправдать „старую партію" (выраженіе очень не точное), и въ числѣ ея Стефана Яворскаго, отъ обвиненія въ склонности къ латинству (стр. 65), но самъ же упоминаетъ о сильной бурѣ, произведенной „Камнемъ", какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ иностранномъ, и о полемикѣ, которая возникла по поводу его между католиками, выступившими на его защиту, съ одной стороны, и протестантами, горячо возставшими противъ него, — съ другой, и которая не имѣла бы никакого смысла, если бы „Камень" былъ совершенно чуждъ латинству.

Точно также недостаточно характеризованы и сочиненія Посошкова, главнымъ образомъ его трактатъ „О скудости и богатствѣ". Г. Порфирьевъ выписываетъ заглавія его главъ и приводитъ изъ него нѣсколько выдержекъ—о необходимости завести училища, о недостаткѣ грамотныхъ людей, о злоупотребленіяхъ въ судахъ. Эти выдержки, конечно, очень важны по содержанію, но ими не возможно ограничиться; необходимо указать еще: во-первыхъ, на мѣры, которыя предлагаетъ Посошковъ, и на степень ихъ выгодности и примѣнимости (здѣсь г. Порфирьевъ могъ бы взять въ руководство сочиненіе г. Брикнера „Иванъ Посошковъ"); вовторыхъ, на средства, которыя онъ считаетъ необходимыми для приведенія въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ, и на ихъ крутой, насильственный характеръ, какъ на одну изъ отличительныхъ особенностей Петровской эпохи, и втретьихъ, на отношеніе Посошкова къ иностранцамъ. Безъ этого нельзя сдѣлать правильной оцѣнки сочиненій Посошкова.

Отдѣлъ беллетристики Петровской эпохи (если позволительно примѣнить это названіе къ произведеніямъ того времени) оставленъ г. Порфирьевымъ безъ вниманія. Онъ ограничивается однимъ упоминаніемъ о поздравительныхъ стихахъ Андрея Виніуса, о „Лаврѣ" Кременецкаго, о стихахъ Валдайскаго „пастушка" Михаила (изъ послѣднихъ, впрочемъ, выписано имъ нѣсколько строкъ), какъ о представителяхъ „старой силлабической поэзіи" въ Петровское время, и причисляетъ къ нимъ даже прозаическую „Политиколѣпную апотеозисъ россійскаго Геркулеса Петра I" (стр. 102), которая имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе тріумфальныхъ вратъ, воздвигнутыхъ въ честь Петра Московскою академіей и не находится ни въ какой связи съ силлабическою поэзіей; что же касается до оригинальной русской повѣсти петровскаго времени „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ" и переведенныхъ при Петрѣ съ польскаго разнаго рода повѣстей, то о нихъ г. Порфирьевъ даже и вовсе не упоминаетъ. Правда, послѣднія до сихъ поръ еще не изслѣдованы, но можно съ достаточною вѣроятностію относить къ нимъ разказы о Совѣсдралѣ или Эйленшпигелѣ, о которыхъ, въ ихъ печатномъ изданіи конца XVIII столѣтія, говорится какъ о переведенныхъ съ польскаго, и рыцарскій романъ о Францелѣ Венеціанѣ, дошедшій до насъ, между прочимъ, въ рукописи 1729 года и въ видѣ лубочной книжки, ходящей въ народѣ даже въ наши времена; что же касается до „Гисторіи о Василіи Коріотскомъ", то о немъ существуетъ изслѣдованіе г. Л. Майкова, появившееся значительно ранѣе книги г. Порфирьева („Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени", Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. № 10).

Къ драмѣ, современной Петру, какъ кіевской, такъ и московской, г. Порфирьевъ относится также съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Онъ удѣляетъ менѣе, чѣмъ четверть страницы, московскимъ пьесамъ: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня" и „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе" (къ нимъ онъ присоединяетъ еще „Преславное торжество освободителя Ливоніи", но это вовсе не драма), на четырехъ строкахъ излагаетъ содержаніе трагедо-комедіи Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ" (стр. 103) и совершенно умалчиваетъ о переведенныхъ съ нѣмецкаго театральныхъ піесахъ репертуара Куншта и Фиршта [1]). Относительно „Страшнаго изображенія" и „Бо-

[1]) Замѣтимъ кстати, что и въ первой части «Исторіи русской словесности»

жія... уничиженія" слѣдуетъ сказать, что они еще не изданы и не изслѣдованы, и это нѣсколько извиняетъ г. Порфирьева въ томъ, что онъ слишкомъ кратко говоритъ объ этихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ піесахъ; но „Владиміръ" Ѳеофана Прокоповича и піесы Куншта и Фиршта подробно изслѣдованы г. Тихонравовымъ: первый—въ его статьѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1879 г. № 5, а послѣднія—въ извѣстной брошюрѣ „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра" (М. 1873). Пренебреженіе г. Порфирьева къ „Владиміру" для насъ совершенно непонятно, такъ какъ онъ излагаетъ содержаніе и приводитъ выдержки изъ интерлюдій Петровскаго времени (стр. 104—105) и изъ школьныхъ драмъ послѣ-петровской эпохи (стр. 310—315), которыя сравнительно съ „Владиміромъ" можно назвать незначительными.

Прежде чѣмъ начать говорить о Кантемирѣ, Тредіаковскомъ и проч., г. Порфирьевъ удѣляетъ четыре страницы происхожденію и характеру французскаго псевдо-классическаго направленія. Такого рода введеніе рѣшительно необходимо для пониманія всей русской псевдо-классической школы, и г. Порфирьевъ заслуживалъ бы за него полнаго одобренія, еслибъ онъ исполнилъ дѣло какъ слѣдуетъ. Онъ говоритъ: „Сюжеты для своихъ произведеній европейскіе поэты брали изъ греческой миѳологіи и героической легенды, изъ греческой и римской исторіи, а иногда и просто передѣлывали греческія и римскія произведенія" (стр. 108). Здѣсь сдѣлана очень крупная ошибка: г. Порфирьевъ отнесъ ко всѣмъ видамъ псевдо-классической поэзіи то, что̀ относится только къ трагедіи, и то не вполнѣ: въ „Сидѣ" Корнеля, „Гоѳоліи" Расина, „Танкредѣ" Вольтера и друг. дѣйствующія лица—и не греческіе боги, и не дѣятели классической исторіи. Псевдо-классическая комедія и сатира никогда не брали содержанія изъ классическаго міра; онѣ постоянно находились въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ современностью (на это г. Порфирьевъ самъ указываетъ, когда говоритъ о сатирахъ Кантемира и комедіяхъ Сумарокова), и псевдо-классическое направленіе заявляетъ себя только въ ихъ формѣ. Псевдо-классическая поэма всего чаще брала содержаніе изъ національной исторіи и легенды („Лузіада" Камоэнса, „Генріада" Вольтера, „Петръ Великій" Ломоносова, „Россіада" Хераскова) и отъ древности заимствовала только пріемы. Г. Порфирьеву

---

о древне-русскихъ переводныхъ повѣстяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и о театральныхъ піесахъ репертуара Грегори также вовсе не упоминается.

необходимо было изложить псевдо-классическую теорію каждаго вида литературныхъ произведеній въ отдѣльности; при этомъ ему слѣдовало привести выдержки изъ „L'Art Poétique“ Буало и „Эпистолы о стихотворствѣ“ Сумарокова (впрочемъ изъ послѣдней нѣсколько выдержекъ сдѣлано г. Порфирьевымъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о литературной дѣятельности этого писателя).—Но послѣдуемъ за нашимъ авторомъ. „Поступивши подъ покровительство двора“, говоритъ онъ,—„поэзія неизбѣжно сама должна была сдѣлаться придворною, и измѣнивъ свой характеръ, получила придворный колоритъ. Чтобы поэтическія произведенія могли быть достойны вниманія двора, поэты должны были выводить въ нихъ только высокія лица: боговъ, героевъ, царей, полководцевъ. Выведенныя лица должны были вести себя, разсуждать и говорить сообразно съ установившимися при дворѣ приличіями, сообразно съ придворнымъ этикетомъ, придворными правилами и обычаями“ (стр. 109). Здѣсь опять крупная ошибка: придворному этикету слѣдовали только трагическіе герои, а въ комедіи, въ сатирѣ далеко не всѣ дѣйствующія лица могли и должны были вести себя comme il faut, и придворный колоритъ въ этихъ видахъ литературныхъ произведеній, если и замѣтенъ, то очень мало.

Говоря о литературной теоріи, перенесенной къ намъ съ запада, г. Порфирьевъ не упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ, хотя и не особенно важномъ, именно о томъ, что въ то время, когда она стала водворяться у насъ, на западѣ явилась такъ-называемая мѣщанская драма, совершенно несогласная съ псевдо-классическою теоріей трагедіи, и вслѣдъ за трагедіей перешла и къ намъ. Этимъ должно объяснять, почему по поводу постановки на московской сценѣ „Евгеніи“ Бомарше въ русскомъ переводѣ Сумароковъ поднялъ тотъ шумъ, о которомъ упоминаетъ г. Порфирьевъ на стр. 241.

Мимоходомъ коснувшись отношенія школьнаго польско-іезуитскаго классицизма къ классицизму французскому, г. Порфирьевъ дѣлаетъ потомъ нѣсколько замѣчаній о существовавшемъ у насъ въ XVIII вѣкѣ взглядѣ на литературу и ея дѣятелей. „Поэтамъ и литераторамъ“, говоритъ онъ,—„не отдавали должнаго значенія.... Личность самихъ поэтовъ такъ невысоко стояла въ обществѣ, что ихъ могли оскорблять не только бранными словами, но и дѣйствіемъ“ (стр. III). Мы не намѣрены утверждать, что положеніе литератора въ XVIII вѣкѣ было особенно почетнымъ, но думаемъ, о немъ никакъ не слѣдуетъ судить на основаніи поступка Волынскаго съ Тредіаковскимъ. Вопервыхъ, это фактъ единственный въ своемъ родѣ и относится

къ царствованію Анны Іоанновны, вовторыхъ, онъ былъ отчасти слѣдствіемъ личнаго характера Тредіаковскаго, который (добровольно или невольно, не беремся рѣшить) взялъ на себя роль придворнаго шута; что̀ особеннаго, что Волынскій обошелся съ нимъ не-церемонно, такъ, какъ въ то время обходились съ шутами? При Елизаветѣ и Екатеринѣ II положеніе русскаго писателя не имѣло ничего общаго съ положеніемъ Тредіаковскаго въ царствованіе Анны: Ломоносовъ объявляетъ сильному Шувалову, что онъ не хочетъ разыгрывать шута не только передъ нимъ, но и предъ самимъ Господомъ Богомъ; Сумароковъ смотритъ на свою литературную дѣятельность, какъ на государственную заслугу, а Державинъ при помощи своей музы дѣлаетъ блестящую карьеру. „При такомъ положеніи литературы и писателей", продолжаетъ г. Порфирьевъ,—„очень понятно стремленіе поэтовъ искать себѣ защитниковъ и покровителей—меценатовъ" (стр. 111). Это стремленіе дѣйствительно было, но знатный меценатъ нуженъ былъ писателю XVIII вѣка не для того, чтобъ имѣть возможность свободно писать, а для того, чтобы получать вознагражденіе за свой трудъ, въ томъ или другомъ видѣ; меценатъ долженъ былъ не доставлять писателю безопасность, а хлопотать о почестяхъ, повышеніяхъ и наградахъ для него и дѣлать о нихъ представленія высочайшей власти. Нѣкоторыя письма Ломоносова къ Шувалову какъ нельзя лучше указываютъ на это.

Не будемъ останавливаться на Кантемирѣ и Тредіаковскомъ и обратимся прямо къ Ломоносову. О немъ у насъ существуетъ обширная литература, но она почти вся отличается однимъ общимъ недостаткомъ—излишне хвалебнымъ тономъ. На Ломоносова смотрятъ только какъ на великаго патріота и ученаго, всѣ его поступки объясняютъ только любовью къ Россіи и къ наукѣ, хотя они могутъ имѣть отчасти и другія, болѣе простыя и естественныя объясненія. Вліяніе нѣмецкаго общества сказалось въ Ломоносовѣ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; отъ него онъ позаимствовался не только тѣми буршескими замашками, которыя выказалъ въ первое время своей службы въ Академіи Наукъ, но также крайнимъ самолюбіемъ и страстью къ чинамъ и отличіямъ. Онъ несказанно гордился своимъ чиномъ статскаго совѣтника, хотя въ то же время возставалъ противъ глупой спѣси дворянства, которое корило его низкимъ происхожденіемъ. Ему всегда хотѣлось возвыситься, на зло своимъ недругамъ, и какъ онъ заботится о томъ, чтобы сдѣлаться членомъ какой-нибудь иностранной академіи или попасть въ вице-президенты своей

академіи! Конечно, онъ горячо любилъ Россію и оказалъ ей немаловажныя услуги, но часто прикрывалъ именемъ любви къ ней и такіе поступки, въ которыхъ нельзя не видѣть личныхъ побужденій: укажемъ на его доносъ въ сенатъ на Шлецера. Онъ горячо любилъ и науку, но въ ней не всегда могъ возвыситься надъ своимъ временемъ: извѣстно, что Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими академиками, настоялъ на томъ, чтобы выпустить изъ „Описанія Сибирскаго царства“ Миллера замѣчаніе объ участіи Ермака въ разбояхъ; извѣстно, что онъ возсталъ противъ рѣчи того же Миллера о варяжскомъ происхожденіи Руси, какъ несогласной съ національнымъ достоинствомъ Русскихъ, между тѣмъ какъ Тредіаковскій не былъ на его сторонѣ.

Какъ на одну изъ заслугъ Ломоносова, г. Порфирьевъ указываетъ на то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный языкъ и составилъ первую риторику на русскомъ языкѣ. Онъ полагаетъ, что до Петра Великаго нашимъ литературнымъ языкомъ былъ „славянскій“ (терминъ, нуждающійся въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ), и что только Ломоносовъ въ своемъ разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ“ опредѣлилъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и его значеніе для языка русскаго (стр. 186). Это—невѣрно. Русскій языкъ (съ болѣе или менѣе незначительною примѣсью церковныхъ словъ и формъ) употреблялся въ нашей литературѣ задолго до Петра Великаго, и имъ писаны Стоглавъ, Домострой, сочиненіе Котошихина, повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и друг.; онъ употреблялся у насъ и при Петрѣ (сочиненія Посошкова), и послѣ Петра, прежде чѣмъ Ломоносовъ успѣлъ написать свое разсужденіе. Ломоносову нужно было только расширить его употребленіе, распространивъ его на всѣ литературныя произведенія, но онъ не только этого не сдѣлалъ, а можно сказать, узаконилъ еще употребленіе церковныхъ словъ и формъ въ русской книжной рѣчи и продолжалъ его еще почти на цѣлое столѣтіе. Что касается до риторики Ломоносова, то г. Порфирьевъ хотя и признаетъ, что она не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, тѣмъ не менѣе приводитъ по поводу ея замѣчаніе Пекарскаго, очень лестное для Ломоносова (стр. 189). Мы, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта риторика есть не что иное, какъ отчасти переводъ, отчасти передѣлка нѣмецкой риторики Готтшеда, и что Ломоносову не нужно было ни особаго труда, ни обширныхъ познаній, чтобы составить ее.

Изъ произведеній Сумарокова мы остановимся прежде всего на его комедіяхъ. Авторъ хорошо знаетъ, что они по большей части

представляютъ передѣлку (болѣе или менѣе плохую, добавимъ мы) комедій Мольера, но это не мѣшаетъ ему признавать ихъ очень важными. „Въ заимствованные сюжеты и формы", говоритъ онъ,— „Сумароковъ, подобно Кантемиру, вставлялъ картины изъ русской жизни, осмѣивалъ пороки и недостатки, глупости и предразсудки русскаго общества" (стр. 220). Не будемъ отрицать, что кое-гдѣ въ комедіяхъ Сумарокова дѣйствительно встрѣчаются указанія на русскій бытъ и нравы, но это бываетъ и довольно рѣдко, и совершенно случайно. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ не имѣютъ въ себѣ ничего общаго съ русскою дѣйствительностію: они или иностранныя (по крайней мѣрѣ похожія на иностранныя): Клитандръ, Оронтъ, Дюлижъ, Кимаръ, Бомбембіусъ, или русскія, но не общеупотребительныя, а придуманныя самимъ Сумароковымъ: Чужехватъ, Желтозеръ. Дѣйствіе хотя и считается происходящимъ въ Россіи, но не имѣетъ ничего общаго съ русскою жизнью и состоитъ постоянно въ томъ, что добродѣтельный молодой человѣкъ и добродѣтельная молодая дѣвица любятъ другъ друга, при помощи своихъ хитрыхъ слугъ и служанокъ проводятъ своихъ суровыхъ родителей и опекуновъ, и наконецъ, благополучно соединяются брачными узами. Всѣ главныя лица не имѣютъ ничего общаго съ русскими типами и представляютъ прямой сколокъ съ соотвѣтствующихъ лицъ французской комедіи; изъ второстепенныхъ только отъ одного подьячаго иногда еще вѣетъ русскимъ духомъ, хотя въ большей части случаевъ и онъ разыгрываетъ роль французскаго нотаріуса или клерка.

Изъ другихъ качествъ комедій Сумарокова г. Порфирьевъ подмѣтилъ ихъ аляповатость, грубость, комизмъ очень не высокой пробы, каррикатурность комическихъ лицъ (стр. 221), но ему нужно было бъ указать также на отсутствіе характеровъ и на множество вставочныхъ эпизодовъ, задерживающихъ и заслоняющихъ собою ходъ главнаго дѣйствія.

При изданіи Трудолюбивой Пчелы, по мнѣнію г. Порфирьева, послужили Сумарокову образцомъ англійскіе моральные журналы Стиля и Аддисона (стр. 232). Это несовсѣмъ вѣрно. Сумароковъ изъ иностранныхъ языковъ зналъ хорошо только французскій и потому могъ имѣть въ виду не упомянутые англійскіе журналы, а ихъ французскія подражанія. Въ критикахъ Сумарокова, печатавшихся въ его журналѣ, г. Порфирьевъ справедливо видитъ мелочность и внѣшность (стр. 238), но за это едва ли слѣдуетъ упрекать Сумарокова: онъ въ нихъ слѣдовалъ литературному кодексу псевдо-классической школы „L'Art

poétique“ Буало, который предписывалъ критику разсматривать въ литературномъ произведеніи только слова и формы и не говорилъ ничего о разсмотрѣніи цѣлыхъ произведеній по отношенію къ ихъ содержанію.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о мемуарахъ и школьной драмѣ послѣ-петровскаго времени. Авторъ указываетъ на записки княгини Долгорукой, Нащокина, Шаховскаго, Данилова и излагаетъ вкратцѣ ихъ содержаніе, но почему-то не находитъ нужнымъ даже упомянуть о любопытныхъ запискахъ Якова Марковича, пріятеля Ѳофана Прокоповича, относящихся къ 1718—1768 гг. и изданныхъ въ 1859 г. въ Москвѣ, ни о „Діаріушѣ“ Николая Ханенка, старшаго канцеляриста гетманской канцеляріи, относящемся къ 1722 году (о немъ въ Чтеніяхъ Моск. общества ист. и др. 1858 г. кн. 1, смѣсь). По важности оба памятника не ниже записокъ Нащокина. Изъ піесъ, относящихся къ школьной драмѣ, г. Порфирьевъ излагаетъ содержаніе нѣсколькихъ (стр. 310—315), но не находитъ нужнымъ не только изложить одну изъ нихъ („Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана-Зиновія Хмельницкаго свободившая“), но и привести сколько-нибудь полно ея заглавіе. Эта пьеса, изданная уже дважды (сначала Максимовичемъ въ Чтеніяхъ 1858 г. кн. 1, потомъ гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ во 2-мъ томѣ „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа“), гораздо выше во многихъ отношеніяхъ другихъ изложенныхъ г. Порфирьевымъ піесъ, и такое пренебрежительное отношеніе къ ней для насъ не совсѣмъ понятно.

Мы коснулись только немногаго во второй части „Исторіи русской словесности“. Она по достоинству ниже первой части и обнаруживаетъ въ авторѣ недостатокъ самостоятельнаго изученія предмета и неполноту знакомства съ его научною разработкой. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пожелать ей успѣха: при всѣхъ своихъ недостаткахъ, она имѣетъ и несомнѣнныя достоинства, и въ виду недостатка у насъ хорошихъ учебниковъ по исторіи русской литературы, можетъ быть очень полезнымъ учебнымъ пособіемъ по этому предмету.

**А. Соболевскій.**